

Не только Адриан стоял бледный и растерянный. Хотя Шац внешне казался лишь слегка напряженным, в глубине его души бушевал настоящий шторм.

Адриан очнулся раньше, чем прогнозировали медики, и Шац еще не успел дойти до этой части комнаты. Шок от увиденного сейчас превосходил даже те ощущения, когда он только переступил порог и обнаружил, что стены сплошь заклеены портретами Его Величества, причем из-за тесноты помещения изображения добрались даже до потолка.

Военное ведомство в кратчайшие сроки собрало исчерпывающее досье на Адриана. Шац ни капли не сомневался в профессионализме своих товарищей из секретных служб: еще до визита он знал, что Адриан — преданный поклонник императора Гэри Лайсента, но, судя по всему, всё равно недооценил степень его фанатизма.

Конечно, по сравнению с небылицами и легендами, которые сочиняли члены фан-клуба Его Величества, простое рисование портретов выглядело делом самым что ни на есть нормальным. Вот только серия монументальных работ Адриана поражала пугающей, до мельчайших деталей правдивой реалистичностью. Даже понимая, что перед ним подделка, Шац невольно ловил себя на мысли, что в юности император выглядел именно так. Что же до мнения, будто Его Величество был беззаботным, лучезарным юношей...

Десять лет назад в одной из звездных систем на краю лекарука рукава Галактики Империи внезапно разразилась безумная вспышка нашествия звездных зверей. Катастрофа затронула и соседние планеты, положение почти вышло из-под контроля. Отец Гэри Лайсента, предыдущий император, который как раз отдыхал на той планете, трагически погиб в этом происшествии. Появление же самого Гэри Лайсента тогда оказалось сродни чудодейственному спасению. Во главе наемного отряда он прибыл на помощь, пробудил и успешно оседлал только что созданную главную разумную меху империи, меху класса ССС по имени Небосвод, что в конце концов переломило ход почти проигранной битвы и заложило основу для окончательной победы человечества в том сражении.

Реальная картина этой войны, унесшей жизни более миллиона человек, была кровавой и жестокой, а истинное положение дел не афишировалось полностью. Шац, участвовавший в тех событиях, испытывал к императору искреннее, идущее из глубины души благоговейное восхищение, как и бесчисленные другие солдаты. И хотя большинство в армии считало Его Величество своим кумиром, стоявший перед ним Адриан явно принадлежал к числу безумных фанатиков.

После восхождения на престол Гэри Лайсента отличал сдержанный образ жизни: он редко появлялся на публике, за исключением тех случаев, когда присутствие было неизбежным. Всякие слухи и репортажи о его прошлом в бытность кронпринцем и вовсе отсутствовали, рядовым гражданам о них было ровным счетом ничего не известно. Вплоть до самого вступления в должность императора империи подавляющее большинство людей даже не догадывалось о существовании такого наследного принца.

Зато всевозможных сплетен, порожденных народным воображением, ходило предостаточно.

Творчество Адриана в этом ряду всё же оставалось в пределах абсолютной нормы.

Однако Шац, как высокопоставленный офицер министерства обороны, знал правду, значительно превосходящую то, что было доступно посторонним.

Известно ему было и то, что выдающийся и внезапно явившийся миру молодой император в годы своего предшествовавшего исчезновения вовсе не посещал военных училищ и даже не учился систематически в обычных школах по имперской образовательной системе. На протяжении тех недолгих по сравнению с жизнями большинства людей десятилетий Его Величество успел побывать механиком, охотником за головами и глубоководным рыбаком, он даже изучал традиционную промышленность, которой обычно интересовались лишь беты и омеги... А в последние годы Гэри Лайсента занесло в наёмники: у него был собственный отряд, заслуживший немалый авторитет и репутацию в тех кругах.

И хотя никто не понимал, почему прошлый император проявил столь вопиющую снисходительность и даже намеренно попустительствовал Гэри — своему единственному сыну и единственному наследнику империи, — это не отменяло того факта, что всё происходило на самом деле.

Шац даже втайне подозревал — хотя Его Величество с возмущением это отрицал, — что в столь пестрой и бурной биографии императора наверняка находилось место и для таких делишек, как космический разбой или хакерство.

Словом, юношеские годы Его Величества выдались до головокружения насыщенными, но уж точно не такими тихими и мирными, как на этих картинах.

Неловкость и смущение от того, что его тайну раскрыли, лишили Адриана дар речи: он стоял совершенно растерянный. Стоило ему вспомнить, что этот офицер — приближенное лицо Его Величества, и кто знает, вдруг император тоже обо всем узнает... Адриан, конечно, понимал, что его страхи — проявление излишней мнительности, и даже думал, что сам Гэри, узнай он обо всем, в худшем случае лишь рассмеялся бы в ответ, не став наказывать какую-то мелкую сошку, а то и вовсе не обратил бы внимания. И всё же от одной мысли об этом Адриану становилось ужасно стыдно, и его и без того покрасневшее лицо сейчас буквально пылало.

Шац, как высокопоставленный сотрудник военного ведомства, вспоминал всю ту правду, о которой простому народу оставалось лишь догадываться. Он смотрел на Адриана крайне сложным взглядом, жестом остановил его неизбежные попытки оправдаться и найти слова для защиты, а затем, придерживая рукой лоб, тяжело вздохнул: — Старший сержант Адриан, я лишь хочу знать: что именно заставило вас питать столь оторванные от реальности фантазии насчёт Его Величества?

Его Величество Гэри Лайсента выкроил крошечную паузу в череде бесконечных дел и бросил на трепещущего и докучающего неуместными разговорами министра финансов Эбру холодный, спокойный взгляд.

В нынешнем мире с его высокоразвитыми технологиями и медициной, где средняя продолжительность жизни исчислялась веками и даже тысячелетиями, этого императора, не перешагнувшего еще и рубеж в пятьдесят лет, по меркам эпохи следовало бы назвать совсем юнцом. И тем не менее, обладая невестой откуда приобретенной выучкой, он с самого своего появления на публике демонстрировал поразительную, чудовищную для столь юных лет зрелость. Его радость или гнев никогда не отражались на лице, и искренние эмоции удавалось разглядеть лишь в редчайших исключительных случаях.

Когда же Гэри Лайсента действительно выходил из себя, это разительно отличалось от его обычных вежливых и безупречных официальных улыбок на публике: его непроницаемое лицо излучало мощное, пронзительное давление, ярко воплощая в жизнь понятие грозной власти без единого повышенного тона. Зрелище подавляло волю.

Эбру, служивший верой и правдой уже при двух императорах, сейчас имел сомнительное удовольствие лично прочувствовать величие монарха и едва не задохнулся от страха. Его старые кости и суставы невольно дрожали, однако при мыслях о будущем империи этот излишне ревностный старик стиснул зубы и, переборов себя, продолжил говорить. Правда, смотреть на императора он больше не смел, а лишь заученно и без останкинского перерыва тараторил обо всем подряд: от угасания рода Лайсентов и бедственного положения с браками в империи вплоть до проблем эволюции человеческих генов.

— ...Ваше Величество, речь идет не только о вашей личной жизни! Разумеется, вы находитесь в самом расцвете сил, но род Лайсентов не может вечно оставаться без наследников, да и империи нужны будущие продолжатели рода и защитные силы... На худой конец, Ваше Величество, вы могли бы даже вырастить клона с помощью деления клеток и воспитать его как сына, к черту все эти законы!

<http://bllate.org/book/19099/1875937>